

Уже мало кто сомневается в том, что Борис Львов-Анохин предлагает сегодня зрителю некое, вроде бы странно отрешенное от всего сущего видение театрального искусства.

Представитель блистательной режиссуры шестидесятников, возглавлявший некогда Театр имени К. С. Станиславского, много лет проработавший в Малом, изумлявший публику своими интерпретациями современной отечественной пьесы, драматическими произведениями русской и зарубежной классики, он для многих неожиданно возглавил Новый театр, затерявшийся, увы, далеко от центра Москвы, где-то на ее окраине. Со знанием ушел в некую экспериментальную лабораторию? В какой-то степени — да.

Спектакли Львова-Анохина в Новом театре сразу же заставили о себе говорить — настолько причудливо-экзотическими они показались поначалу. Что стоит за романтическим воспеванием красоты, изысканностью поз, роскошью туалетов и париков, обилием шелков и кружев, точностью женских фигур, манерно-напевной речью? Что это? Некий современный декаданс, вызывающий и печальный одновременно? Уход в мир грез, фантастический мир Ватто и Бенауа, тончайшего колорита Борисова-Мусатова, изыск мира искусства? И это разрешил себе режиссер, который некогда ставил «Фабричную девчонку», «Старшую сестру», «Наса маре», «Всеми забытого», «Палубу», «Материнское поле». Режиссер тончайшего историзма и психологизма «Холопов» и «Войтельницы». Режиссер, который всегда умел жить вопреки социально-политическому официозу, жить, не пряча своего неприятия содейственности, но лишь неизменно говоря о ней языком интеллигентного человека. Грешно так откровенно прятаться от действительности, — иронизировали недоброжелатели. Bravo постановщику, который так откровенно восстанавливает забытый мир красоты, — приветствовали те, кто неизменно продолжает любить его творчество. Примерно так разошлись мнения при оценке спектаклей Нового театра «Орленок», «Опасные связи», «Письма Асперна».

Действительно, в данный момент Львов-Анохин мало интересуют сугубо современной тематикой. В этом он не одинок. Пьеса на современную тему вообще не частая гостья в репертуаре театров. Честно говоря, обидно и жалко, что наша общая для всех реальность так мало интересует сцену. (Сюжетиков-то в жизни

хоть отбавляй!). Но... чего нет, того нет.

Тем не менее, в какую бы страну, в какую бы эпоху ни переносили нас спектакли Львова-Анохина, какими бы далекими ни казались они от дней нашего существования, их связь с ними более чем очевидна. И связь эта нервна, напряжена, активна. Ностальгия, боль утрат явственно проступают в самой эстетике этих постановок, в самой их столь демонстративной элитарности.

Львов-Анохин на данном этапе своего творчества оказался несгибаемым и упорным борцом. В момент оглушительного развала, повсеместной разрухи, повальной политизации, бестрепетного и безоглядного поругания собственного же прошлого, разгула рекламной пошлости и мечтаний о бешеных деньгах он противопоставляет всему этому культуру, выработанную веками. Надо хорошо знать Бориса Александровича, чтобы до конца понять, насколько адекватен он сегодня собственному творчеству, будь то спектакль или статья.

Однажды Арбузов заметил, что слово «было» должно перестать быть синонимом унылому, набившему оскомину повтору. «Было» — стоит приветствовать, ибо прошлые достижения мысли человека в любой области, в том числе и в искусстве, не забыты, не осмеяны, не отринуты, как навсегда устаревшие, а поддержаны современностью, осмыслены, отданы людям, нужны им. Вот эту связь времен в нашем нищенском существовании и восстанавливает Львов-Анохин, напоминая о красоте, величии человеческих поступков, духа, таланта.

В наши дни удивляет не столько подобный замысел спектаклей, сколько материальная возможность их полноценно воплотить. Что и говорить, режиссеру несказанно повезло, его союзником, соратником, соавтором стал замечательный художник А. Сергеев. Надо полагать, во многом именно благодаря ему спектакли Нового театра кажутся настолько богатыми — настолько безупречно, роскошно, элегантно оформление сцены да и костюмы персонажей Н. Закурдаевой. Тончайшая гамма оттенков определяет общий колорит постановок. Приглядитесь: шарфик лакея и женская фигура на дверном панно по цветовому подбору в полной гармонии друг с другом. Все мерцает, переливается и сливается в единое целое — подлинную живопись. Откуда берутся сегодня деньги на подобную роскошь, понять труд-

но. Зато все силы таланта очевидно.

Думается, что и с актерами тоже не все просто. Далеко не всегда они в состоянии воплотить ту высокую стильность, которую от них требуют постановщик. Женская половина Нового театра, очевидно, в силу большей природной гибкости успешнее справляется с режиссерскими задачами. Не исключение и последняя премьера театра «Письма Асперна» (пьеса М. Редгрейва по повелю Г. Джеймса, перевод М. Головаченко).

Это драматическое произведение у нас мало кому известно. Сюжет его не сложен. Генри Джарвис (И. Чуриков), биограф великого поэта Асперна, пытается раздобыть его письма. Генри появляется в обиходившем доме мисс Бордеро, близко знавшей великого поэта и хранящей его письма к ней. Письма эти старая дама категорически не хочет публиковать. Для достижения своих целей Генри начинает вольничаться за воспитанницей мисс Бордеро Тиной. Девушка полюбила Генри, но он как бы этого и не заметил и писем так и не получил. Вот, собственно, и все. Достаточно простая, не слишком к тому же драматургически изобретательная мелодрама. Но спектакль от нее далек.

Львов-Анохин на центральную роль мисс Тины пригласил актрису из Театра «Модерн» О. Мысину, верно угадав в ней ту индивидуальность, которая необходима ему для этого спектакля. Высокая, угловатая, с каким-то на редкость светловатым обликом, она поначалу кажется чуть ли не дурочкой — так грустно-смешно живет она в окружающем ее мире. В ней что-то от Золушки, которая, видимо, так никогда и не станет принцессой, что-то от идеальной героини Диккенса. Злая доля не сломит эту девушку, лишь отберет у нее наивное простодушие, поднеся взамен горький дар — прозрение и печаль. Счастливая женская наивность уступит место той житейской мудрости, которую хорошо бы слабой половине рода человеческого не знать никогда. Страшный опыт бытия, но мало кого он минует. О. Мысина играет все это психологически точно, легко, изящно, умно. И, естественно, внимание зрителя приковано к ее героине.

И все-таки спектакль этот не о судьбе мисс Тины. И не о письмах Асперна, по поводу которых невольно возникает простенькая мысль — ну что такого крамольного в том, если их опубликуют? Ведь святое же вроде бы дело — по воз-

можности наиболее полно рассказать биографию великого поэта. Но вот невозможно. Некий моральный запрет как бы наложен судьбой на их обновление. Потому что вечная, великая тайна природы — талант, отдается людям только как дар божий, как наивысшее проявление красоты и гармонии. Быт великих? Какое нам до него дело, зачем нам знать его, коль скоро гений формирует и освещает судьбу

ТЕАТР: ВЕКТ

многих и многих людей. Надо помнить, знать, чтить это, все же остальное пусть останется их личной судьбой.

Однако спектакль этот, да и предыдущие тоже, не светлый гимн во славу таланта, а скорее скорбный рекем по нему. Кому он нужен сегодня, этот дар небес?

Львов-Анохин в спектакль «Письма Асперна» приглашает еще одну актрису «со стороны» — Э. Урусову из Театра имени М. Н. Ермоловой. Этот режиссер любит работать с актрисами, имеющими в своей индивидуальности как бы генную биографию поколений интеллигенции. Он работал с Л. Добржанской, М. Мироновой, Е. Гоголевой, теперь вот с Урусовой, мисс Бордеро которой — последняя из могокан той культуры, которая так трагически истощается, предается полному забвению.

...В причудливо-красноватом свете скользят тени былой славы Асперна. Горят и тают свечи. Плывет над всем и всемирно голос великой Каллас. Пылают в железной печурке письма Асперна. И все медленно погружается в тишину и мрак.

Финал спектакля. И чего еще финал?

Странное ощущение тоски и тревоги рождает этот спектакль, такой вроде бы далекий от нашей жизни.

Хотя далекий или близкий? На этот вопрос, очевидно, каждый ответит по-своему. Повторим, нынешний творческий период Львова-Анохина однозначно не воспринимается. Лично же для меня эта постановка — чуть ли не прямой разговор о дне сегодняшнем. Об общем отношении к культуре — равнодушном и хамском. О нашей нищете — не столько суммы, сколько души.

Это ведь только в сказках свет побеждает тьму...

И. ВАСИЛИНИНА